Дагестан. правда, 1983, 31 авг., №202.

Алим КЕШОКОВ.

О Расуле Гамзатове

Заглянув в седые дали,
Я страницы шевелю.
Знаю: в дружбе отказали
Кабардинцы Шамилю.
И не раз, с крутых тропинок
На лихом скаку паля,
Ограждали кабардинок
От мюридов Шамиля.
С боевого дрека свесясь,
Не прорвавшись в Кабарду,
Шелком шитый полумесяц
Мерк в порховом чаду.
Век воинственный, состарясь,
Стал в музеях на прикол...
Нынче в лирику ударясь,
Преопаснейший аварец
Бурный Терек перешел.
Вон он в доме кабардинца,
Не забыв свои грехи,
Взглядом девичьим пленится
И читает вновь стихи.
— Эй, хозяин, бей тревогу.
Прикажи седлать коней:
Увезет он, ей же богу,
Сердце дочери твоей.

А хозяин, встав со стула,
Улыбается в усы
И, приветствуя Расула,
Пьет за сына Цадасы.
В АУЛЕ ЦАДА.
Аркан тропинки козьей
прочен,
Не им ли в древние года
За облаками приторочен
Был к небесам аул Цада?
Из колыбели здесь в дорогу
Река кидается, вскипев,
Неповторим чей, слава богу,
Подобный клекоту напев.
А в час, когда течет
прохлада
Над солнцем, канувшим
почти
Мыча, в Цада вступает стадо
Как бы по млечному пути.
С земли взошедшего
на небо
Любой здесь встретит,
словно друг,
И снова золотого хлеба
Над слозом переломит круг.

Вот горский двор со шкуру
бычью, :ыЦ,э,бшлкл
бычью,
На окнах капельки росы.
Входил, сливаясь с тенью
птичьей,
Я в дом Гамзата Цадасы.
Далекие односразью,
Дороже были в нем всего
Арабской писанные вязью
Стихи аварские его.
И доносился с горных
скатов
Звон соплеменных
родников.
Со мною был Расул
Гамзатов
В сопровожденье земляков.
Но в доме, преданном аулу,
Где слились вечность и часы,
Быть полагалося Расулу
Лишь только сыном
Цадасы.

Перевел с кабардинского
Я. Козловский.

РАБОТАЕТСЯ ХОРОШО

Сергей САРТАКОВ.

Нашего дорогого Расула **знаю давно, — этак под четверть века, — а вот и не помню: всегда ли он был таким серебристо - седым.** Мне кажется порой, что это и не седина, а просто врожденный цвет волос **так же как и** врожденная у него **добрая улыбка и** острый, проницательный ум, сочетающий в себе глубину, мудрость мысли с образным видением окружающего мира.

Все это находится в удивительной гармонии. Отнимите у него хоть что-то из названного — и это будет уже не Расул Гамзатов, всех сразу покоряющий своим человеческим обаянием. Прибавьте... А что можно прибавить? Юношескую гибкость стана? Россыпь черных кудрей? Высокий, металлический голос? Нет, нет, и это никак не сольется, не соединится с вошедшим в наше сознание внешним обликом мудреца и поэта, как не соединится и с его внутренним миром холодность и строгость расчета, либо даже самое легкое кокетничанье своим талантом, увы, присущее многим и многим известным деятелям искусства и литературы. В Расуле Гамзатове нет ничего, идущего от долгой тренировки, выучки, вообще от выучки, ломающей истинную натуру человека. Каким его жизнь сложила, такой он и есть. Простой, обыкновенный и... необыкновенный, и непростой. А необыкновенный и непростой лишь потому, что в ряд с ним поставить некого, и он ни с кем и один ряд не станет, в своем роде он исключителен, неповторим.

Расул не из числа завзятых балагуров, анекдотчиков, он назначает цену каждому слову, всегда чуть-чуть медлительному, но — где Расул Гамзатов, там и оживление, искрометное веселье. Попробуйте удержаться от смеха, когда шутит Расул! А он, рассказывая что-либо, непременно смеется. Нет, не этаким, как могут другие, раскатистым хохотом который, собственно, шумностью своей и заражает собеседников, Расул больше смеется одними глазами, непроизвольно прикрывая губы ладонью, как бы стремясь быстрее восстановить чинность и серьезность разговора. А вслед за этим — новое острое слово, молнией вспыхнувшая мысль, афоризм, все в меру задиристое, колючее, очень точное, меткое и обязательно с милым горским юмором, что делает общую беседу увлекательной, ничуть не снижая ее содержательности. Он одинаков, естественен и в дружеском узком кругу, и в огромных, незнакомых аудиториях, где тут же все, с первого появления Гамзатова, становятся его искренними друзьями.

Он очень трудолюбив. Мне, убежденному прозаику - романисту, не в диво, если только есть к тому возможность, день за днем, месяц за месяцем и, как говорится, от зари до зари упрямо сидеть за письменным столом. Иначе, **на мой взгляд,** крупная проза не пишется. Поэты же, так мне представляется, да в массе своей, пожалуй, так оно и есть — **могут складывать стихи, не приковывая** себя надолго к рабочему месту, а находясь в движении, то есть ведя нормальный образ жизни. Расул Гамзатович **не таков.** Не знаю, как у себя дома, а вот в Карловых Варах, — где мне с Расулом, лечась на водах, приходилось бывать неоднократно, — он побивал меня усидчивостью. Иной раз и в столовую забывал ко времени приходить, и к источнику — тем более.

— Как здоровье, Расул, как идет лечение? — спрашиваю.

— Работается хорошо, — отвечает. — Та-ки-е стихи сегодня я написал!

И в глазах веселый, радостный блеск.

— Тебя на обеде не было.

— Если бы ты понимал по-аварски, я бы сейчас их тебе прочитал. А рассказывать на русском языке, без поэтического перевода, все равно что шашлык жарить на сковороде.

— О шашлыке не вспоминай. Тебе, врач утверждает, шашлык вреден. Надо строго во время диетический супчик хлебать.

— Врачи утверждают, что в книги вредно писать, когда в санатории лечишься. А книги писать — самое лучшее лекарство.

У Расула шевелятся пальцы, будто он ласково перелистывает страницы новой, здесь вот, в Карловых Варах, завершаемой им рукописи.

О книгах он готов говорить бесконечно. Отнюдь, не только о своих, он превосходно знает и классику, и всю современную литературу. В особенности, конечно, поэзию. Цитатами не сыплет, но если по надобности, к месту, случается, приведет — точно гвоздь в стену вколотит. Четко, звонко, по самую шляпку. Что ему положено, будет крепко держать.

Русским языком Расул владеет безупречно. Но именно поэтому он так строг к переводам своих стихов. Кому попало он не отдаст в работу ни аварские оригиналы, ни сделанные с них подстрочники. Мастеру нужен мастер. Алмаз, ограненный неумелой рукой, утратит свое волшебное природное сияние и будет мерцать тусклым стеклышком.

Вспоминается, в тех же Карловых Варах в Доме советско-чехословацкой дружбы однажды собрались любители и ревнители русского языка. На эту встречу, среди других, оказались приглашены и мы с Расулом. Общая беседа сложилась теплая, наполненная взаимной сердечностью. Имя Расула Гамзатова в Чехословакии известно широко и с давних пор. Многие его книги там изданы на чешском и словацком языках. И когда председатель вечера объявил: «А сейчас выступит советский поэт Расул Гамзатов», собравшиеся бурно зааплодировали.

Расул мягко улыбнулся, встал и — начал читать стихи. По-аварски.

Зал замер. Это было для всех неожиданно. Ново. Интересно. И — непонятно. Но все же, когда он закончил, не столь горячо, как в начале, ему похлопали в ладоши. Расул помедлил и эти же свои стихи прочел вновь. Уже на русском языке. И зал обрушился громом аплодисментов.

— Вот что значит для вас русский язык, дорогие друзья, — сказал Расул, протягивая руки и словно бы пожимая руки всем сидящим в зале. — Иначе как бы вы меня поняли? И вот что значит русский язык для меня. Для многих народов Советского Союза, лишь после революции создавших свою собственную письменность. Знаю, аварца Расула Гамзатова теперь читают во всем мире. А переводят — с русского языка. За это ему мое глубокое аварское спасибо!

И мне тогда подумалось: «Расул, дорогой, и тебе большое русское спасибо. За то, что ты живинкой неподражаемого и неповторимого таланта обогатил и мой родной язык, вскользнул его звонкие струны прекрасными мелодиями своего народа. Аварского, как и мы, русские, единого советского народа».

Таким, широко и светло мыслящим, душевно открытым и простым, государственно деятельным и поэтически нежным, я всегда и вижу давнего своего друга Расула Гамзатовича Гамзатова.

Седого и молодого.